

18+

Ольга Виноградова

ЦЗУНЦЗЫ
ДРОНЫ
ГУАНЬ ЮЙ

Ольга Виноградова

Цзунцзы, дроны, Гуань Юй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51689263

ISBN 9785005076632

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Мой третий сборник коротких рассказов о Китае включает наиболее полную коллекцию «Тяньцзиньских историй», а также избранные тексты из двух предыдущих книг. Жанр их – что-то между художественной прозой, поэзией и публицистикой. Адресовано антропологам, поэтам, путешественникам.

Содержание

Посетители бара Helen's	5
Зачем жечь жёлтые бумажки	10
Бермудский треугольник	15
Прошедшее и непрошедшее	23
Счастливые мандарины	30
Сны на Xixi lu	35
Собственно, лето	40
Плыть, плыть	45
Жизнь, как полная луна	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Цзунцзы, дроны, Гуань Юй

Ольга Виноградова

Дизайнер обложки Василиса Русакова

© Ольга Виноградова, 2020

© Василиса Русакова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-7663-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посетители бара Helen's

Улица не очень-то аппетитная. Ноябрь. Шесть вечера. Шанхай. Или уже семь, Роман? Смотришь в планшет. – Здесь. Видите, выше, вывеска: Helen's, американский бар.

Здание старенькое и замызганное, грязный подъезд, второй этаж. Притон какой-то. Мы ныряем в двери, занавешенные пластиковыми полосками, и оказываемся в полутемном баре с грубыми деревянными столами. Роман предпочитает японские заведения, но после двух дней конкурса по русскому языку в здешнем университете нам, несомненно, подойдет и этот бар.

Русский человек живет будущим – к своему настоящему он, как правило, равнодушен. Он как будто ещё не родился и вечно продолжает выпутываться из своей пуповины, слушать, как журчат околоплодные воды. Он постоянно ощущает дискомфорт и непонятное, но мощное желание куда-то проскочить, воплотиться уже наконец.

Пока мы ждем официанта, раздеваемся, осматриваемся. За соседним столиком китайцы громко играют в кости. Роман, как обычно – уже не помню, в какой связи – говорит о Японии. Чёрт его знает, откуда у человека берется та или иная навязчивая идея. Для русского мальчика, родившегося в русской провинции в смутное время, мысль о Японии, наверное, очень даже естественна. Он выбрал противополож-

ный полюс. Роман беспрерывно говорит о японском перфекционизме, японских незыблемых правилах, японской стерильности и восхищается даже их снобизмом. Он покупает японские воздухоочистители, японские сумки и японское пиво. Его любимые слова: *идеальный, высококачественный* и, конечно же, *японский*. Он копит деньги на будущую идеальную жизнь в Японии.

А я не хочу в Японию. Мне нравится неидеальный Китай. Мне нравится, что здесь к обеду подают бесплатный суп. Мне нравится, что ты можешь сколько угодно подкладывать себе риса из бочки (неизвестно, моют ли когда-нибудь этот котел – сказал бы Роман). Теперь, разбогатев, китайцы могут себе позволить быть милостивыми к бедным, признавать их наличие рядом. Нет, я не хотела бы жить в богатой стране. Богатой и вылизанной. Богатой и высокомерной. Богатой и чужой.

В чужой стране вообще чрезвычайно трудно жить. И не думаю я, честно говоря, что все дело в берёзках или в языке. И даже не в смене сезонов, которая крепко сидит в нашем подсознании. Чем больше ты привыкаешь видеть вокруг себя не берёзки, а, скажем, магнолии, чем лучше ты понимаешь чужой уклад – тем больше протестуешь против него. Но ты так мал и незаметен, со всем своим протестом вместе, что едва ли найдешь уши, которые услышат тебя.

Мы не можем жить, принимая чужой уклад. Мы будем – с завистью или презрением – смотреть на чужие традиции,

чужую основательность и практичность. Мы будем понемногу учиться – у немцев ли, у японцев ли, у китайцев – о, у китайцев есть, чему поучиться... Мы освоим это – и все-таки сделаем по-своему.

Русский человек созерцателен и нуждается в печали, он не может вынести бремени каких-либо иных ценностей. Созерцательность и печаль – его боги.

Может быть только очень молодой человек сумеет изменить свою судьбу – сделать пластику своей души, своих представлений о счастье и о времени, – сумеет катапультироваться в реальность и прорасти в настоящем...

...Пора заказать. Я должна Роману стакан. Он печально смотрит в меню. Jack Daniel's, как и все крепкое, подается порциями по 40 грамм. Не волнуйся, Роман, я должна тебе стакан, а не глоток. Стакан так стакан, ясное дело. Мы же не китайцы.

А я заказываю «Голубую лагуну» – в честь моего бывшего ученика Саши, который покупал мне этот коктейль в Москве. Ты помнишь, Саша – был жуткий мороз, мы сидели в «Му-му», и я пила лагуну, прямо так, в шубе и в шапке?

Ой, не та здесь голубая лагуна. Какая-то она у вас, китайцы, мутная. Невкусная и жидкая. Но нам некогда договариваться с жизнью, налаживать её – есть вкусное и пить немутное. Наши действия полны символизма и магии.

Роман предлагает поднять бокал за Кимико. Она полуяпонка-полумексиканка. Переходы от одной её идентичности

к другой иногда внезапно. Роман общается, конечно же, с её японской ипостасью, беря у Кимико уроки японского. И мы поднимаем бокалы за нашу ласточку Кимико – и неперево-димое русское слово «ласточка» остается с нами как неподаренная ей драгоценность.

Бар понемногу заполняется. Много парочек «иностранец – китайка». Китайнок почему-то выбирают толстых и некрасивых. С красивыми, возможно, ходят в другие места. – У нас таких девушек называют *лупетка*, – вырывается у Романа, – мама бы так сказала. И это дурацкое диалектное *лупетка* для нас как письмо с родины, с доброй новостью. Мы хохочем.

Отравившись лупетками, Роман теперь уже звонит Кимико – поболтать по-японски.

А я? Чего хочу я? Почему меня так растрогали давеча на уроке лермонтовские тучки из китайской хрестоматии, тучки с ошибками? Нет у вас родины? Нет вам изгнания? Кому, на каком языке повем печаль свою? Радость свою? Кто прочтет записки мои о китайских обрядах? Молчите? Маленькая, косолапая и хамоватая официантка приносит вторую лагуну. Вторая ещё мутнее первой. Штормит сегодня...

Мы покидаем бар и устремляемся на набережную. Проходим мимо резиденции великого вождя. Нескончаемый забор. Позвонить в звонок? В другой раз – сегодня мы недостаточно выпили.

Выбираем в качестве дороги к набережной улицу с тремя

книжными магазинами, хотя уже вечер. Пробираемся к ней самыми темными и грязными закоулками. Посреди проезжей части кто-то громко блюёт. – Всё это совсем не похоже на Японию, – жалобно говорит Роман.

Наконец попадаем на «читательскую» улицу. Но и она в это время несколько диковата. Книжные закрыты, возле них, накрывшись, словно приличные граждане, одеялами, спят бродяги. Из-под одеял торчат босые ступни.

На освещенных перекрестках мелькают долговязые фигуры и светлые головы. Шведы? Голландцы?

Набережную уже слышно. Мучит жажда. Покупаем у лоточников нарезанные арбуз и дыню. Неизвестно, какими руками они это резали – морщится Роман. Совещаемся, что здесь такое «сы» – четыре (на путунхуа) или десять (на местном диалекте).

И вот он – *Бунд*, странное название, со времен войны. Роман здороваётся с небоскребами на другом берегу, как с хорошими друзьями. Он смотрит в будущее. Я придирчиво вглядываюсь в лица исторических зданий – отелей и банков. Идентифицирую прошлое.

Неожиданно начинают бить часы на башне таможни. Десять. Гаснут огни. Но мы продолжаем прогуливаться по темному берегу и наверняка теперь опоздаем на метро.

Мне кажется, кто-то тихо коснулся моего плеча... Я поворачиваю голову – никого... Никого, но я знаю, что он здесь, за правым плечом. И он шепчет: ты будешь... жить.

Зачем жечь жёлтые бумажки

Мы с Чжоу Цзе (для меня и других иностранцев она – Дженни) сидим в Старбаксе на Hangda lu и, как обычно, больше болтаем, чем занимаемся китайским.

– А как ты выбирала имя для дочери? – спрашиваю я. Её дочке только что исполнилось два. Я нахожусь под впечатлением от имянаречения одного младенца – племянницы моей аспирантки, и мне нужно выяснить, как это бывает. Но Китай настолько огромен – как вширь, так и вглубь, что ты можешь доверять своему опыту не больше, чем Алиса в стране чудес. – Вы спрашивали совета у специального человека?

– Некоторые так делают, – кивает моя учительница.

И я жду, конечно, что она будет говорить о сохранении традиций – может быть, в деревнях где-то, в горах.

– Да... Особенно богатые люди.

– Но почему богатые? – я придвигаюсь вплотную к Дженни. – Так дорого стоит совет прорицателя?

– Нет. Просто им нужно, богатым, передать свои деньги. Им нужно, чтобы ребёнок получился очень хороший. Чтобы имя хорошо работало – на их деньги.

Я с трудом перевожу дух.

– Вот мы назвали дочку сами, потому что я во все это не верю, – слегка хмурится Дженни. Моя мама верит, но и она называла нас сама, никого не спрашивала. Ей неко-

гда было всем этим заниматься: мы то и дело рождались – у меня ещё брат и сестра. К тому же надо было отбиваться от этих правил с одним ребенком, нас-то было двое лишних. Когда мама опомнилась – мы уже привыкли к своим именам, вроде они нам не навредили.

– А девочку эту, – я продолжаю гнуть про своего младенца, – посоветовали назвать так, чтобы в имени было «золото». И они назвали её – Синь И, три иероглифа «золото».

– Ну вот, – Дженни снова кивает, – я же говорю, богатые этим занимаются. С деньгами надо быть осторожными. Хотя вообще, я уже сказала – я не выношу всех этих вещей. Вот мама – она да. Она верит. Видит сны и разговаривает с призраками.

– Расскажешь?

Дженни косится на заскучавший учебник. И, иногда переходя на непонятный китайский, поведывает.

...Это было несколько лет назад. Где-то за месяц до происшествия мама днём прилегла и увидела сон. Ей приснилась женщина, которая ехала на мопеде. Женщина врезалась в стену, упала, много крови, и было видно, что она... ну, уже мёртвая. И нога у неё была такая вывернутая. Потом... это был всё ещё сон... мама готовила обед и заметила, что кто-то заглядывает в окно. Кухня находится немного выше гостиной, но окно оттуда видно. Мама вытерла руки и спустилась. За окном была та самая женщина, с мопеда. Она просила маму её впустить. Но мама строго ей сказала: я же знаю, что

ты мертва, чего ты от меня хочешь? – Да, я мертва, не стала отпираться та. Но ты мне нужна кое для чего. Мама заметила, что женщина сильно хромает, передвигаясь вдоль окна.

...Тут мама проснулась от того, что кто-то громко стучал в окно (уже реальное). Она хотела было пойти посмотреть, но пока вставала, пришёл отец, и она забыла об этом стуке.

Однако сон свой мама не забыла и с тревогой несколько раз пересказывала его отцу. Я об этом вообще тогда не слышала, потому что не живу с ними уже давно, а отец – отмахивался.

Прошло какое-то время. И вот, среди бела дня, мама ехала по практически пустой дороге на мопеде – вдруг... ей навстречу кто-то вылетает, врзается, мама летит на землю вместе с байком и теряет сознание. Тут её находит папа, с которым она должна была у магазина встретиться. Он и вызывает скорую помощь. Те приезжают, её осматривают и потом, когда она приходит в себя, опрашивают. Она рассказывает, как на неё налетела женщина на мопеде. А люди, видевшие происшествие, при этом утверждают, что на дороге никого, кроме неё самой, не было, и что она ни с того, ни с сего резко повернула и врзалась в бордюр.

Её везут в больницу. У неё большая шишка на голове и сломана рука. Крови нет. Но самое интересное, что ни голова, ни рука не болят, а болит правая нога, с которой все нормально. Видимых повреждений нет, рентген ничего не показывает.

Так мама ещё какое-то время пробыла в больнице – гипс сняли, голова тоже прошла, но нога – нет. Рентген и другие исследования по-прежнему ничего не показывают, а мама не может встать на эту ногу. Ходить не может.

И ещё – она не спала. Ей все время мерещилась эта женщина на мопеде.

Тогда моя тётя, её сестра, пошла к прорицателю.

– В храм?

– Да, наверное, в храм. Прорицательница – это была женщина, хотя обычно они мужчины – сказала, что совсем недавно в нашем роду внезапно и как-то очень нехорошо умерла одна женщина (наша дальняя родственница). И теперь она пытается УТАЩИТЬ МАМУ. И потом прорицательница разговаривала также и с этой женщиной, увещевала её, но ничего не добилась. И она тогда развела огонь. И – помогло. Всё прекратилось.

– А что она жгла?

– Жёлтые бумажки¹.

– А что за бумажки? С именем мамы? С молитвами?

– Это было днём, – не отвечая на мой вопрос, продолжает Дженни. – А уже вечером мама встала, и забыла про свою ногу. ...Теперь она верит ещё сильнее! А есть многие, которые так делают просто на всякий случай. Этого я вообще не понимаю!

И Чжоу Цзе сердито водит пальчиком по учебнику. А я

¹ Жертвенные символические деньги, которые жгут в специальных местах.

всё думаю: что это всё-таки были за жёлтые бумажки? Надо сходить посмотреть.

Бермудский треугольник

...Ты забыл, что нам нужно встретиться, но ответил на звонок: на остановке... Сидишь спиной ко мне, сжавшись, как замерзшая синица – в этот неожиданно теплый для первого декабря солнечный день. Но почувствовал, когда я подошла. Привет. Посмотрел на меня одним глазом. Щетина на твоей щеке рифмовалась с низким кустарником вдоль дороги. Ну чеченец же, правильно тебя бабушка называет. И ещё раз: привет. Я не могу с тобой пообедать сегодня, ты же знаешь, я сплю. Топик был мне абсолютно привычен. Отдала тебе диск для твоей знакомой. Потом сказала что-то – про Вернера, про свои сомнения, предчувствия и сверхчувствия. Ты, к моему удивлению, услышал. Этот ультразвук, этот бред, эти эфирные помехи. И я почувствовала, что в груди потеплело. Ты ещё раз посмотрел на меня, в полтора теперь глаза, и сказал что-то про Кимико. Бермудский треугольник безумцев. Друзья мои закадычные! Ладно, давай, спи иди...

Живя за границей, человек испытывает особое душевное состояние. Каким-то нелепым образом, мы, по-видимому, имеем некий эмоциональный обмен с суровым и неразвитым населением родимых просторов. Пусть двадцать китайцев подряд тебе улыбнутся, но сердцу ближе одна противная русская тетка, которая тебя облает. Она нужнее. И эти гоп-

ники, которые на тебя косятся в тамбуре, потому что ты, черт возьми, чужой. Почему-то тебе это нужно. Факт прямо-таки научный. По еде скучаешь тоже, и по отдельным реалиям. Селёдкой так иногда с картошечкой закусить. А сын вон как безумный ищет во всех городах хинкали и русскую баню. И все-таки это вторично. Главное – мерзкие рожи и родная – бедная, грязная, но родная, – речь соотечественников. Как её не хватает! Природа и обстановка все-таки вторичны. Хочется ли вам, господа, стреляться среди березок средней полосы? Спору нет, хочется. Среди них, конечно, приятнее. Но дело не в березках, хотя они, желтенькие такие на осеннем ветру (Роман был на севере, сделал видео), и вызывают слезы. Но нет, не они, я серьезно говорю.

Находясь вне своих близких, иностранец часто впадает в некий коллапс, анабиоз – многие из здешних знакомых, особенно мужчин, говорили мне, что им хорошо в одиночестве, и они не нуждаются больше в подруге или жене. Человек становится эмоционально холоднее, отстраненнее, недоверчивее. Некоторые, непрерывно работая, стараются вообще не осознавать своей потребности в общении. Человек урабатывается так, что единственными его желаниями становятся еда и сон. У других это не получается. Они лихорадочно пытаются найти себе близкого человека, а если находят, попадают в слишком большую зависимость от него.

В таких непростых условиях сложился и наш бермудский треугольник.

С Кимико и Романом мы сближались одновременно, и незаметно стали не разлей вода. Между нами с ним была разница в возрасте (а ведь даже коровы стремятся к дружбе со сверстниками), пол (который в этом случае лишь усугубляет дело), конфликт провинции со столицей и много прочего. Между нами с Кимико кроме разницы в возрасте (уже поменьше), были культурный и языковой барьеры – поначалу ведь и мой английский был на нуле. Кимико создавала мой космос, она была демиургом, богиней, сотворяющей мир и называющей его. Она учила меня всему, преисполненная мексиканской теплоты и японской ответственности. Её интуиция – полукровки-кентавра, полуяпонки-полумексиканки, была фантастической. Ещё не понимая ничего, я уже почувствовала её ангельскую природу. Она у нас стала ангелом. (А Вероник, француженка вслед за этим – демоном). Сразу же я почувствовала и возможность их любви с Романом – в шутку упомянула свадьбу. А слово-то не воробей. Все, о чем мы в то время мечтали, становилось нашей реальностью. Так и мотив свадьбы стал витать над ними сначала сам по себе (у Романа ещё была тогда девушка) – как аромат пионов и роз над селеньем, как песня с припевом *Liū-liū-de²*, а потом слетел на них в одну лунную ночь, грянулся об землю и обернулся сакраментальным вопросом: быть или не быть?

В июле Кимико уехала. Она прихватила с собой Романа,

² Припев китайской традиционной свадебной песни.

но лишь на лето. Иногда ангел к нам и теперь слетает. Или мы куда-то слетаемся вместе с ангелом. Например, в Гонконг. Когда мы снова сиротеем, оставшись без Кимико, мы депрессируем, впадаем в иллюзии и съезжаем с катушек.

Депрессируем мы по отдельности. Роман пьет отдельно от меня текилу, обрастает отдельно от меня щетиной и читает отдельно от меня экзотические словари. Иногда по вечерам его депрессия требует жертвы. Ливень больной рефлексии, черной, как чернила, полной фантазмов и провокативных заявлений, обрушивается по скайпу на нашего ангела. Если её хрупкие плечики не выдерживают: мы расстались! расстались! расстались! – всхлипывает она, – я не хочу больше видеть человека, который заставляет меня плакать, – тогда он звонит мне, уже довольно разумный, подрастеряв часть своего демонизма.

Иногда же настает час истины, и мы с Романом помогаем друг другу избавляться от иллюзий – а избавившись уже от них, красивые и новые, съезжаем с катушек. Конечно, это хорошо делать вместе. То есть совпасть в своей трезвости относительно жизни и опьянеть затем в компании друг друга самым натуральным образом.

Опьянение бывает спонтанным и весьма неумеренным. Усугубляется оно в последнее время хулиганским и довольно опасным катанием в этом состоянии на велосипедах. Выглядит это так. Роман, проспавшись после трудовых будней, звонит мне и безо всякой прелюдии сходу возмущается тем,

что мы в такую прекрасную погоду (уровень смога минимальный) не гуляем и не занимаемся спортом. Я, проспавшись ещё не настолько (у меня на один будень больше), вяло с ним соглашаюсь. Спорт – это ж классно. Затем мы, по отдельности и потом вместе, возимся еще полдня, сокрушаясь, что солнце заходит, и в полной темноте, наконец выдвигаемся. На велосипедах. Совещаясь: до или после. Или во время.

Это я научила малыша плохому. Первое время велосипедные прогулки и пьянство были развлечениями разных жанров. Но в один злосчастный день – думаю, кто-то сглазил, – я предложила захватить бутылку вина и посидеть на озере. И вот уже дни стали короче, ночи холоднее, а привычка осталась. Долго сидеть на лавочке и любоваться Сиху стало невозможно, зато хлопнуть стакан на живописном мосточке, заодно же быстренько и полюбовавшись видами – это вполне. Саморазрушительные тенденции крепнут. Напитки становятся крепче, скорость выше. Если учесть то, что наши ничтожные фонари не пробивают ватную тьму на дамбе, а гоня по трассе, мы не сбавляем скорости – а может и прибавляем, то удивительно, что... Да, точно сглазили, теперь это очевидно. На мосту, видно, мельник взгляд бросил косою.

...Наша последняя велосипедная прогулка в этом плане особенно удалась. Усугубило её скоротечность и бурное развитие наше намерение просочетать её в этот вечер с Антонио, который ничего дурного не подозревая, спокойно ждал нас на испанской вечеринке с бесплатной сангрией. Бесплат-

ная сангрия и Антонио нас, конечно, влекли – но по-видимому не так сильно, как нас влекла бездна... Ах-ха-ха... И вот мы несемся как бесы – оглоушив вкусного джина – ноухау Романа наливать его в маленькие бутылочки от воды – это-то нас и подкосило в конечном счете... – и горланим, орём про любовь и разлуку, и улюлюкаем, и декламируем стихи, и... тише... заезжаем вон туда, на тропинку под ивами и персиками... И, посидев все-таки минут пятнадцать, глядя на дальние огни на том берегу, обсудив иллюзии, сдвигая их друг с друга вместе с кожей, стараемся один другого и сами себя потом ободрить, утешить, успокоить. Какое! Через мгновение мы уже несемся по краю пропасти ещё веселей. Ох ты! Ух ты! О-ля-ля!... Что это? Осторожнее...

– Осторожнее!!!, – ты кричишь, – но я все-таки въезжаю в ограждение (хорошо, что не в шифу, который примостился тут на стульчике), потому что дорога на выезде с дамбы вдруг сузилась, а спуск крутой. Я лечу через ограждение и вижу, как вытягивается лицо шифу, но пьяным море по колено, ушиблен только большой палец на левой руке, ограждение не помято, шифу добродушно улыбается и помогает мне встать. Мы продолжаем путь, не сбавляя энтузиазма. Наше лошадиное ржание должно радовать засыпающий Ханчжоу. Оно ему вместо колыбельной. Пьяные *лаоваи*³ – это лучшее, что здесь есть. Нам кажется, что всем встречным очень весело. Грудь приятно согрета джином, воздух по-зим-

³ Lao wai – иностранец (разг.)

нему плотен, холод обжигает лицо. Вон уже мои ворота, они, к счастью, ещё открыты. Я расслабляюсь чуть раньше, чем следует, и координация меня подводит – заехать поворотом как обычно мне не удастся. Впечатываюсь в самый гремучий край. Мы с великом валимся в разные стороны, но он слегка оказывается на мне. Роман, заскочивший было во двор, выбегает обратно. Бежит на место происшествия и шифу – сегодня дежурит улыбчивый охранник, мой друг. Роман хватается то за меня, то за велосипед, пытаюсь нас растащить. «Ты велосипед поднимай сначала», – советует ему шифу, качая головой.

Я переодеваюсь, и мы спешим к бесплатной сангрии, опаздывая на час, не меньше. Нас встречает злой Антонио, и ладно бы только злой, но ещё и печальный. Почему? Почему вы вместе? Почему опоздали? Почему пьяные? Нам стыдно. Стыдно, но весело. Нам все равно, хороша ли сангрия – ужасна! как и музыка! – чуть не плача свидетельствует Антонио – моя вина, нужно искать другую вечеринку. Мы ищем и находим – и вот он Виньярд, опасное место для зазевавшегося путника, но об этом в другое время.

...А ты не помнишь, нет? – о чем мы там болтали, в Виньярде? На фотографиях мы выглядим так осмысленно. Жаль, но... Мы ли выпили джин или джин выпил наш вечер с Антонио?... Помню только, как нас уже неделикатно выметали тряпками и щетками из ресторана, помню, как ребята почти донесли меня до дома. В дороге я, кажется, обиде-

лась на Антонио, и прогоняла его. Помню взгляд его на меня, такой с опаской, но и дружеское плечо помню и ощущение гладкости его выбритой щеки.

...А на завтра мне напишет ангел наш, Кусумото-ангел-сан, беспокоясь за Романа. Напишет мне, потому что тот ещё спит. Возлюбленный её. Все ли в порядке, не потерял ли он кошелек, или ключи, или айфон, и что значат его вчерашние слова, а если ты это так трактуешь, то как тогда понимать позавчерашние? И что делать, если ей нужна Япония, работа, отдавать долги, диссертацию писать, а ему нужна семья, как он утверждает, а в Японии его вовсе не оторвут с руками, и все это одновременно не получается, и вообще надо как-то проверить все это повседневной жизнью – какая к лешему повседневная жизнь, а, Кусумотик?... Это ж надо ещё её заслужить, вымолить у судьбы снова – жизнь эту повседневную...

Прошедшее и непрошедшее

Люди по-разному встречают новый год – или игнорируют его. Они уезжают в Австралию или веселятся с незнакомцами, ложатся спать или выпивают в одиночку восемь бутылок водки.

У меня не было особенного плана. Я хотела, затерявшись в веселой орде друзей, незаметно проскользнуть в будущее. Но мы разминулись с привратником. Я выпала из времени, когда были все эти cheers и ганбэй⁴, и когда его называли разными именами и когда, скорее всего, были пожелания. Среди гостей не нашлось никого, кто прикоснулся ко мне щекой. Никто не поцеловал меня и не посмотрел мне в глаза. Я выбирала, кого пригласить, рассылала адрес, покупала продукты и шампанское, заправляла салат, встречала их – надутых, с пакетами, бутылками, ожиданиями. Даже Джими был в последний момент помилован и приехал из Шанхая. Но никто из вас не обнял меня в минуту встречи с будущим, никто не отметил меня для него. Как же – я закричала через сорок минут, где же я была? Да тут ты была, вот твой бокал. Ничего страшного. И они стали шутить на эту тему и ободрять меня.

У русских принято думать о времени, как о дороге, по ко-

⁴ Gan bei – за здоровье, до дна

торой ты идешь вперед. Она лежит впереди тебя, и ты её проходишь. У китайцев – наоборот. Ты стоишь на месте. Завтра – ещё за спиной. Прошлое открывается впереди, тебе его прекрасно видно. Не ты идешь по шкале времени из прошлого в будущее, а время проходит сквозь тебя. Пройдя сквозь тебя, завтрашний день становится вчерашним – и ты уже видишь его перед собой.

Есть языки, в которых нет глагольной категории будущего. Только прошедшее и не прошедшее. Например, тамильский. В принципе, она, и правда, не так уж нужна.

Даже если те райские сады будущего, которые висели над тобой, расцветая и разрастаясь в один какой-то момент сверзаются тебе на голову, оглушив, придавив, уничтожив. *Я буду сидеть каждый день в твоём ресторане и вдохновлять тебя. Конечно, немного помогать тоже. Но больше – болтать с посетителями, писать их истории, смотреть на озеро на закате и ждать тебя, когда ты освободишься, чтобы мы вместе пошли домой.* Мечты не нужно описывать в будущем времени, поскольку они не имеют к нему отношения. Мечты – они и есть единственное наше настоящее. Кроме бессонницы, утреннего пронизывающего холода, улыбки соседу, жужжания выезжающего сверху экрана в аудитории, разговора вечером с дочкой...

Мы все теперь хотели исправить ситуацию и ждали Нового года по Москве, через пять часов. Но и во второй раз он обманул меня. Он так хотел мне насолить, что проскольз-

нул невидимым и для других, остававшихся еще со мной в этот час.

Мы сидели пьяные, с гитарой: испанцы, Роман и мы с Джимми, который шептал мне на ухо всякую дребедень. И вдруг я почувствовала будто толчок, даже шум, будто в немом кино вдруг включили звук – и посмотрела на часы. Пятьдесят минут через край. Назначать ему свидание в других странах сегодня было явно бесполезно.

...Испанцы уехали восвояси. Мы разошлись спать. Интересно – первое ненаступившее утро нового года мудренее ли неизвестно прошедшего ли уже вечера неизвестно прошедшего ли уже года? Роман обустривает для себя мою холодную гостевую комнату. А Джимми радостно и по-новогоднему два раза упал с кровати, после чего стабилизировался, свернулся клубком, в своих новых красных трусах, и безуспешно пошарив вокруг себя рукой, заснул. По сравнению с прошлым годом – особенно с летом, он совершенно изменил свои свойства. Потерял свой демонизм и свою харизму и лежит маленький, чужой, старый, с по-детски горько сложенными губами. Я укладываюсь рядом. Уже утро и солнце встает. По дереву во дворе, на самых верхних ветвях, носят-ся две белки.

... – Ром-а-ан! – стучу я в дверь. – Романоф-ф-ф! – передразнивает Джимми. – Романофф-tzar! – Романофски-и! – Рамон! Романофф-Путин! – выкаблучивается он.

Роман недвижим и мы уходим без него.

...Мир недопроявлен. В Casa miel пусто. Кофе не имеет вкуса, а булочки запаха. Предметы расплываются. Не за что зацепиться взглядом или слухом. Джимми тихо и печально ест сэндвич. Окно, напротив которого мы сели, загородил зад грузовика. Мне нужно что-нибудь почувствовать. Я приближаюсь к Джимми и трюсь о его щеку. Она колючая. Она реальна. Джимми перестал жевать и смотрит на меня вопросительно, освобождая руку, чтобы меня обнять.

Попровожав друг друга вдоль Сиси лу, мы расстаемся. Запахнув Джимми в такси, я иду досыпать.

...Просыпаюсь от громкого разговора – видимо, по телефону. Солнце расчертило комнату по диагонали. Клубы пыли на подоконнике похожи на цветы. Опавшие цветы из моих висячих садов. Я накидываю халат и выхожу.

– Ого! – подпрыгивает Роман. – Так она, оказывается, была дома.

Не стовариваясь, мы бредем на кухню искать съестное. Роман выкатывает из-под стола огромную бутылку sake, сэкономленную ночью. Он тоже не очень уверен, что новый год наступил. Мы сидим, как Кидман со своим Чарльзом в фильме «Другие» и пытаемся нашарить оси координат. Или уже тогда заново наметить, если нам не удастся вновь почувствовать натоптанной тропы под ногами. Sake пахнет Японией, пахнет Кимико. Через Кимико можно попытаться нырнуть в прошлый год, протиснуться в прошлое. Прошлый год был для нас обоих прекрасным и подлым, он был годом искуше-

ний и ложных троп. Мы выпрыгнули из него – и теперь зависли над пропастью... Дверь захлопнулась. Прошлое стало раскадровкой, пачкой открыток,, оно перестало толкать нас в спину, наступать на пятки. Оно прошло.

...Прошло совсем. Раньше из него было видно будущее. Черт знает что. Мы чокаемся. А помнишь, как мы гуляли в этот день год назад с Кимико и Джимми у Сиху?... Как колыхались подсвеченные ивы, а мы забились в толпу посмотреть на музыкальные фонтаны, ловили друг друга за руки, терялись, обнимались, мёрзли. Ужинали потом в японском ресторане, и Джимми разливал горячее саке. стакан у меня в руке нагревается. Помнишь?... – Роман думает о том же.

Я собираюсь встретиться с Джимми и беру с собой пижаму и косметичку. Но пока я принимаю душ, Роман с неожиданной прытью бежит наверх к Михаэлю интриговать. Он подговаривает его увести меня вдоль Сиху подальше, мосточками да кабачочками – от Джимми. Тот выражает готовность и заходит за нами. Оба настырны и демонстративно веселы. Я пытаюсь нашептать что-то Джимми через wechat⁵. Джимми покидает теплую гостиницу и начинает потихоньку с нами сближаться. Но мы не засиживаемся нигде – таков план моих коварных друзей. Адрес сменяется новым, обстоятельства нашего бегства громоздятся и путаются – Джимми больше не в силах бежать и просит пощады. Я иду на поиски, но судьба сильнее – мы ждем друг друга в двух разных

⁵ Популярный китайский мессенджер.

Старбаксах с разных сторон озера. Я плетусь к своим губителям. Они очень довольны. – Джимми тебе не игрушка, – назидательно говорит Роман. – Ты его больше не любишь. (Это правда, но мне больно, и я хочу теперь мучить Джимми). – Не твоё вообще-то дело.

...Уже ночь. Мы решились на большое путешествие по дамбе Суды. Мелькают мостики и наши излюбленные скамейки. Ночь лунная. Хорошо просматриваются горы и противоположный берег. Мы с Михаэлем бредем рядом, спотыкаясь друг о друга. Роман идет поодаль и философствует. Выбрав скамейку, мы разливаем sake из маленькой бутылочки, в которую перелили его из нашей бездонной бочки. Мы говорим – как всегда – о любви. Михаэль вспоминает первую любовь – затяжную, горькую, с ежедневными письмами, с унижениями и подачками. А я ничего не помню. Сердце сочится райскими ручьями. Райскими ручьями, в которых совершено убийство. Я не знаю уже, кто это был, я не запомнила лицо убийцы.

– Вот почему, – вопрошаю я Михаэля – Генри Миллер жил также, как мы – та же дыра в кармане, та же безалаберность, те же дурацкие влюбленности, случайные связи... Но почему он постоянно счастлив – а мы – мы нет? Почему... Волна вдруг сильно бьет в берег – это дух Генри Миллера прилетел на зов.

– Не думаю, – отвечает Михаэль, натываясь на меня в очередной раз и отступая в сторону, – что он был счастливее

нас с тобой. Не был. Просто оно уже подвергнуто обработке. Это как приготовленное блюдо: ингредиенты были сырыми, жесткими, горькими, кислыми, пресными, – но ты с них считаешь грязь, моешь, отсекаешь лишнее, обжариваешь их, тушишь, томишь в печи, подаешь под белым соусом...

– Да-да, – киваю я. – Конечно. Как же я забыла. Катарсис. Ясное дело. Дух Генри Миллера свободен – я больше не испытываю к мертвецу зависти. Снова волна и тихий свист по воде – он улетел прочь.

...И мы идем дальше и дальше по тёмной дамбе, и впереди уже виднеется отель Шангри-ла, парящий в небе, рай земной с видом на Сиху, место, где я была отравлена счастьем. Вон там у входа тогда стоял он, вместе с хозяином гостиницы, встречал меня... Ах-ха-ха...

...Брошенный Джимми одиноко спит в своей привокзальной гостинице, а мы стуча зубами в промозглой ночи, тщетно пытаемся поймать такси... Но машины в этом измерении не останавливаются... Они проносятся мимо на сверхскоростях...

...И только в Рождество, стоя грешные и помятые возле хора в Шанхайском русском храме, омываемые девичьими голосами, мы с Романом как будто услышали запах хвои – хотя не было и в помине никакой елки, – и почувствовали землю под ногами. Оба одновременно.

– Уже почти, да? – Да.

Счастливые мандарины

Заехав за мной, завкафедрой завезла мне цветы и ящик ярких пахучих мандаринов. Я помогла ей написать статью, и она в благодарность приглашала меня обедать. Мандарины эти очень дорогие: пряные, с кожистыми листочками и южной горькой маслянистой кожурой. Из-за общего со «счастьем» иероглифа и похожего звучания⁶ их здесь дарят на Новый год.

Он и был уже на носу – Фестиваль Весны, Китайский новый год. Стоял январь, цвели мейхуа и что-то вроде гибискуса, днём площади и парки прогревались, люди стаскивали с себя лишнюю одежду, надевали тёмные очки, рабочие крепко спали на солнышке, пораскрывав рты. А по вечерам город охватывал inferнальный, сизый ледяной туман.

Наш обед был красивым и скучным. Устрицы и угорь, бело-красные гребешки, икра, шарики нежного пюре из ямса, молодой бамбук... Украшенные орхидеями и цветами ванили тарелки были несомненными артефактами. Уколы ядовитого высокомерия, наносимые коллегой, были почти незаметными, как и всегда, но позднее эти маленькие ранки воспалялись во мне, как от крошечного розового шипа.

Дружба наша с В. лаоши и вообще была странной. Ро-

⁶ ##, ju zi мандарин – ####, ji xiang ru yì счастье, удача

весница, красавица, страстная поклонница поэтов и поэзии, она и тянулась ко мне, и воспринимала меня как соперницу. Но в начальной фазе нашего общения, в эйфории медового месяца моей любви к Ханчжоу, я слишком поспешно открыла ей свои карты.

...Мандарины оказались подгнившими, почти половина. Я увидела в этом зловещий знак. Срочно нужно было кого-нибудь обнять. Я вспомнила про своих друзей – мексиканскую пару – они лучшие обнимальщики в этом холодном мире. Приходите ко мне, братцы! Мы выпьем вина, вы покажете мне, как танцевать сальсу.

Если ты нуждаешься в дружбе так же сильно, как в тепле и пище, если друзья вырастали для тебя прежде в любом ландшафте как грибы после дождя, – то в Китае забудь об этом. Воздух, которым ты привыкла дышать, больше не подходит для дыхания. Впервые ты не можешь отличить формальное дружелюбие от искреннего чувства. Тренируйся, детка! Помимо того, что ты каждый день ешь палочками всяких жуков, и запихиваешь грудь в китайские размеры, ты, словно ослица, будешь вечно выискивать здесь среди отравленной газонной травы съедобные сорняки.

Китайцы никогда не будут твоими друзьями – говорила мне десять лет назад, ещё до моего приезда сюда, Маринка, тогда работавшая в Китае. – Однажды ты становишься им неинтересен, и вся дружба рассыпается прахом. У меня там, в Ухане, была всего одна подруга. Хотя и эту ко мне, видимо,

приставили.

– Ну, ребята, – тормошу я мексиканцев, – у вас уже большой опыт. – Что вы думаете? Как дружить с китайцами? Возможно ли это вообще? – Диана пишет магистерский диплом о международных отношениях. Влади уже закончил учёбу. Они здесь пять лет.

– Трудно. – Диана начинает с мексикано-китайских отношений. Моя воображаемая камера отъезжает подальше, озирая социально-экономический ландшафт. – Мексиканцы не доверяют китайским партнерам. Они оказываются слишком осторожны там, где нужна смелость, и простодушны в ситуациях стандартных. Нас постоянно отбрасывает назад, – Диана качает своей гривой тяжелых черных волос. – Ну а если лично о нас... Мы приобрели тут трёх подруг. Первая была нашей учительницей – и предложила учить нас дополнительно. Знаешь – это было совсем не дешево, но мы согласились. И после того, как мы полгода платили ей – после этого, окая, она стала нашей подругой. Ну да, подругой, уже совсем. Вторая сблизилась с нами, потому что находилась в трудном положении – развелась с мужем. Разводы здесь не приветствуются, и она стала настоящим изгоем: без крыши над головой, без семьи, без денег. Ну а третья... Эй, Влади, налей-ка ты нам уже...

Я же в ответ жалуясь им на Чжоу Цзе, мою тридцатидвухлетнюю учительницу китайского. Ещё один экзотический фрукт из провинции Чжецзян. И ещё одна пародия

на подругу. Ох, как здорово она мне в первое время помогала. Я советовалась с ней по любому поводу. Мы вместе обедали. А однажды она пришла ко мне помочь купить билеты на самолет и заказать гостиницу. И потом выставила счёт. Нет, он не превышал цены уроков – он ей вполне соответствовал. И урок тот действительно был что надо. Я тогда бросила на какое-то время с ней заниматься, с Чжоу Цзе. Брезговала.

Мексиканцы в ответ на мои истории и бровью не ведут. Что на мандарины, что на эту. – Возможно, – хмыкают они, – она и вправду считает себя твоей подругой. Но у них так причудливо разложены в голове все эти категории деловых услуг, обмена ими, приемлемых и неприемлемых подарков, дружеских и сверх-затрат, что нам этого не понять. Но с какого-то момента ты почувствуешь, что ты залезла на эту гору – и начнешь получать дивиденды.

Так мы сидим. Мексиканцы кормят меня настоящим шоколадом, суховатым, чуть даже похрустывающим, нам незнакомым, прямо космическим, смягчают английские фразы своей обволакивающей фонетикой, восклицают по-испански, сверкают глазами. Мы запиваем шоколад вином, а вино закусываем шоколадом, мы выбираем из моего ящика с мандаринами счастье, еще не успевшее подгнить, мы читаем стихи по-испански и русски, и в какой-то момент замечаем, что уже светло, оглушительно свиристят птицы, кашляет в будке охранник. Я их провожаю. Немного осоловелые, мы

ждем, когда выйдет шифу в своих подштанниках и откроет ворота.

Сны на Хixi lu

...Ранее утро, рассвело ещё не очень. Ты сидишь у меня на кухне, мы одеты в одинаковые длинные холщовые рубахи и едим какие-то незнакомые зеленые вяжущие ягоды. В окно моей кухни видно улицу Хixi, и на улице ещё закрыты пыльные рольставни магазинчиков и кафе, и их хозяева ещё не повывлезали стирать и чистить зубы – прямо тут, на дороге, и готовить что-то в кипящем вонючем масле, и играть в карты, и препираться, и ещё не ездят ни мусорщики на своих велосипедах с прицепами, ни горожане на мопедах, ещё даже горят фонари... Из двух вагончиков, брошенных посреди улицы будто случайно, ещё не высыпались как горох маленькие рабочие с папиросками и не полезли на леса – ремонтировать фасады к Саммиту Большой восьмерки... Ты говоришь о чём-то и вдруг обрываешься на полуслове – я поворачиваю голову и вижу, что твоё лицо в полумраке кухни стало совершенно белым. И ты киваешь на окно и что-то шепчешь помертвевшими губами... И опрокидывается миска с ягодами... Я оборачиваюсь к окну – на нашем большом дереве сидит и раскачивается ОНА.

...Где-то было на днях... о том, что у русских депрессии бывают реже, чем, например, у американцев – ПОТОМУ ЧТО ОНИ НИКОГДА НЕ ЖДУТ НИЧЕГО ХОРОШЕГО. Соответственно, мы всегда наготове, и плохое нас нику-

да не ввергает. А вот хорошего – его действительно надо бояться. Потому что нас от него колбасит – и мы после никак не можем обрести свой привычный размеренный пессимизм. И – ведь да. Ведь точно. Случись с нами что-нибудь прекрасное – и мы не можем успокоиться. В общем-то и наслаждаться хорошим мы по-настоящему не умеем, нам больно от красоты и от счастья, они разъедают душу... день и ночь мы ждем подвоха... Так легче. Так устроен наш механизм адаптации.

...Однако, мы движемся дальше. Сегодня в семь, как всегда, как каждое почти утро с прошлого сентября, а в общем-то как было извечно – мы отъезжаем на университетском автобусе от Хixi-кампуса, и я сижу рядом с Михаэлем. Эта горластая как ворона китаянка на переднем сидении, девчухи в коротких юбках с айфонами – тоже уже преподаватели... Пакистанец в ослепительно белых штанах окончательно уравнивающих китайский серый с областью небытия, Грег, Иэн, беседующие с расстановкой через проход, и мы с немцем шепчемся – и каждый раз об одном и том же. И ТУТ Я ВСПОМИНАЮ... свой сегодняшний сон и рассказываю ему – и спрашиваю: а я не это – не того? – Ну что ты, отвечает он с серьезной мордой. Ты не того. Мм... Ведь я же... тоже там был, в твоём сне. И смеется своим детским дурацким смехом. Гы-гы-гы... А потом спокойным и немного поучающим тоном объясняет мне глубокую психическую подоплеку моего сна.

И тут я вспоминаю, что этот сон уже снился мне, вчера или позавчера, а, может быть, и вчера, и позавчера, и поза-позавчера. Так же рассветало, возможно, и кто-то близкий был рядом, и покачивались фонари и только ЕЁ ещё не было. Дочка сказала мне, что это очень нормально – видеть один и тот же сон. Очень экономно. Но в то же время этот сон настолько не сон, не сон как отдых и не сон как обещание нового, или как ужас иного... Он лишь как стекло, как толстое стекло, через которое просвечиваешь ты сам...

И я рассказываю Михаэлю в автобусе свой сон – в котором уже проросли семена разлуки, – а ОНА была птицей-сирином из детской сказки, с лицом моей завкафедрой, нахмуренным и странно ярким, птицей с лапами кошки, и сама размером с очень большую кошку. И она сначала сидела на дереве и манила меня крылом, а потом перелетела на мой подоконник и стала скрести лапами по стеклу. Она выглядела требовательной и в то же время несчастной, и внутри неё было... железо?... лёд?... забвение?... смерть в ней была? стыд унижения?

Я вот этих твоих последних слов не расслышала, а точнее – недопоняла, английский-то нам обоим неродной. Но ты прав, она была и мной тоже, и слезы у неё на ресницах были мои, и шумное её дыхание через стекло было моё. Но возможно ведь, что и ты – это тоже я, как тебе, а? И нет никакого города Ханчжоу в утренней дымке, никаких подмерзших сливовых деревьев в цвету, никаких холмов, никакого озера

Сиху, университета с русской кафедрой, дороги, чада непроходимой стройки повсюду, никакого автобуса, никакого тебя – а есть только моя тоска по любви и дружбе, по радости и озарению, только боль с лицом прекрасной и жуткой женщины, которая держит кисть и тушечницу и рисует своими волшебными руками всех нас.

И она мастерски нарисовала, чёрт возьми, мне повезло.

А когда закончится тушь у неё в чернильнице – улетит страшная птица прочь, закроет пестрыми крыльями месяц – месяц тут, на юге Китая, лежащий, как блюдечко – облака непроходимого тумана накроют провинцию Чжэцзян, ты останешься здесь один, без меня, ходить по нашим местам, ресторанчикам и кофейням (особенно ты будешь тосковать в той, нашей маленькой), если ты ещё существуешь, конечно... там, внутри облаков. А я – *знаете, ведь они не продлевают ваш контракт...* – я заберу её с собой, мою мастерицу, и она вновь нарисует, вышьет, вырежет по яичной скорлупе, сложит мне из рисовой бумаги, наколдует – меня, тебя, новые горы, озера, каналы с мостиками, ворота с драконами, автобусы, новые старые улицы с вагончиками и овощными лавками... Но ты приедешь навестить меня в России, а я тебя в Германии, мир стал такой небольшой... И я на новом месте найду себе нового дотошного немца... А здесь вместо меня окажется кто-то другой, какая-то новая я будет ходить с тобой нашими тропинками... И хватит, полно, как говорили классики. Перестань. Тебя же не существует. Тебя мож-

но стереть, смыть, переработать на бумажной фабрике, обновить и написать заново...

...И вот уже наш Цзыдинган-кампус, и мы идем за кофе, и река велосипедов, скутеров и автобусов постепенно заливает проезд, мальчики и девочки в очках бубнят домашнее задание здесь и там, на лавочках и в галереях, а старые лотосы на заливе дали зеленые побеги, а эта вишенка не замерзла вчера ночью, цветет пуще прежнего...

– Пойдешь сегодня обедать?

– Да, встретимся после второй пары здесь.

Собственно, лето

У нас с шестого мая уже считается лето⁷, – сообщила мне коллега Чэнь-лаоши. У китайцев свои вехи, сезоны. Чем глубже, как говорится, в лес. Значит, собственно, это оно.

Весна прокрадывалась к нам в Ханчжоу неспеша, прячась в холодных зорях за горами, в парках среди нежно-розовых деревьев мейхуа, а потом выбрасывая как салют то одно цветенье, то другое. Слива мейхуа цветет на новый год. Цветы здесь почти всегда появляются раньше листьев. С большим отрывом идут разного цвета вишни, лишь в марте покрываются нежно-зелеными брызгами ивы вдоль каналов. Маленькие здешние клёники недоверчиво высовывают пурпурные стрелы-листочки, позже они немного позеленеют: здесь много растений, которые сначала красные, потом зеленые.

В марте с бенефисом выступают примы: в огромных невероятной формы лиловых, розовых, белых цветах – тюльпанное дерево, маленькие магнолии и многое, чему я не знаю названия. Некоторые деревья, особенно нежные, цветут лишь неделю, внезапно потом раздеваясь, сбрасывая пахучий шёлк лепестков. И здесь это сравнение очевидно – груды лепестков и впрямь издали кажутся цветной, в страсти сброшенной и порванной тканью. А другие деревья и кусты

⁷ 6 мая – сезон «лися», начало лета.

медленно покрываются цветами, шелестя потом белой или коралловой шапкой довольно долго, так что перестают удивлять и становятся частью привычной картины. Вместе с летом начинают играть свою партию огромные и рододендроны магнолии на берегу озера Сиху.

И здесь живем мы, лаоваи, немного впавшие в детство, неудачники, асы-истребители, потерпевшие раз крушение в полночь, или не раз, ненавидящие все как один свои коррумпированные правительства, мы, бездельники, мечтатели, живём одним днём, влюбленные в этот мистический город и друг в друга доходяги. А город наш и вправду мистический: ты видишь лишь то, что способен увидеть. К примеру, Фред, американский фермер, а сейчас учитель английского в частной школе, сказал вчера, что в первый раз живет в мегаполисе и очень страдает. Для меня же Ханчжоу – совершенная деревня, с какими-то вечно бочками и корытами, на улице развешанным бельем, повозками, лавчонками, в которых готовят на жарких сковородах, едят, спят, моются, делают и нянчат детей, выращивают лук...

...Весна подмораживала, мучила дождем, пугала какой-то нездешней, подземной сыростью. А лето пришло в одну ночь.

Май принес нашей семейке новости. Тайное стало явным, и Роман со скандалом расстался с Судзу, своей девушкой. Уже в конце их сладкой недели Судзу нашла переписку наших влюбленных в скайпе. Преступная парочка теперь

неразлучна, а ханжески нахмурившийся Тим кукует один в пустой квартире, не решаясь выбросить полусгнивший беглянкин букет. – Ты когда обычно ложишься? – вопрошает он меня. – Можно я буду писать тебе перед сном? Мне бывает одиноко... – Конечно, пиши. Ты хочешь знать, когда начинать чувствовать себя одиноким?

Однако Судзу всё-таки решила отравить нашей парочке медовый месяц и прислала Кимико всю свою переписку с Романом, с комментариями в ключевых местах. Обещая страшную месть. Рассказывая мне о происшествии, все плачут. Роману снятся сны про торнадо и Тима в прокурорском одеянии. Кимико прячется от людских глаз за дверью офиса, за студентами, тетрадками, проводками наушников, за шарфиками, очками, струящимися волосами, поджигает тонкие ножки, ёжится, невидима, неслышима.

...Пора и насчет себя признаться. Я закрутила роман с Джимми, пуэрториканцем. Мы пили огонь через соломинки, я видела, как блестят мои глаза в зеркале, хотела кофе, хотела спать, хотела подумать... В такие вечера ты понимаешь, что это никогда не повторится, и дразнит тебя маленькими пока приметамии неотвратимый рок, и ты уже стыдишься своего счастья. И чтобы не сверзиться так сразу в этот космос, я в новых туфлях танцую бачату с Антонио, обедаю с Тимом и стараюсь вспомнить, каким был мир без Джимми. Джимми сказал мне недавно, что сердце его надорвано стероидами ещё в юности, в американской армии, и он скоро

умрет. «Не говори глупости, никакие китайцы уже не смогут меня вылечить. Никакими акупунктурами. Два-три года, при хорошем раскладе. Поэтому я каждый день теперь радуюсь жизни, веришь мне?» Нет, Хаиме, ты не умрешь, не выдумывай. Живчик Джимми. Мой пират.

Бушует лето и – мы ходим на вечеринки сальсы в кафе Homestead – и нас трясет на этих вечеринках, трясет по утрам сонных в университетском автобусе, трясет в собственных тихих постельках от ужаса и восторга перед жизнью. – Не уезжайте, отсюда, чуваки, – говорит нам Роджер, магическая фигура, трикстер, колдун, бизнесмен, маленький тамилец Кандрасами. Не уезжайте из Китая, парни, – все деньги здесь, это вам говорю я, король Ханчжоу – Роджер машет длинными коричневыми руками, трясет кудрями и оглашает бар раскатами ни на что не похожего смеха. Сам бог китайских денег и индийского веселья в одном лице почтил нас своим вниманием. Ему душно – и он распахивает окна в кафе; ему тесно и он расшвыривает мебель, раздвигает стены и подбрасывает нас с Кимико. Ему хочется пить – и стол уже в миг уставлен всем что ни на есть. Он бежит обнимать солиста группы, играет вместе с бас-гитаристом, танцует, поёт, кому-то звонит, кому-то подмигивает. Его знают и приветствуют все. И я боюсь Роджера, как незнакомой стихии, опасной, соблазнительной и амбивалентной.

...Погоди же ты, наше сладкое лето. Замедли, прошу, свои шаги... Дай покрасоваться на изумрудных листьях тяжелым

сливочным цветкам магнолий, не обжигай нежно-зеленых листьев банана... не прекращай своих подношений... птичьих опер и беличьего балета в моем запущенном дворике... Не заставляй нас вновь выбирать свою судьбу... строить планы, привязываться, отдаваться... покидать друг друга... отчаиваться... гибнуть... Поваляйся ещё на кроне исполинского ореха, пораскачивайся на толстых лианах позади Пагоды Шести Гармоний, лебедем проплыви по глади Сиху на восходе.

Прокапай мне до конца весь курс этой чистой радости... Не гони меня в мою несчастную, злую, оступевшую от боли страну, не заставляй меня быть взрослой, думать о какой-то прочной основе, вспоминать то, что казалось важным...

Тогда как важна только сама жизнь, вот в этот миг, в этом её вечном цветении и драме, с этими её китайскими воплями и харканьем на улице, с этими её каждый день сюрпризами, с её непознаваемыми небесами и настойчивыми приглашениями к Апокалипсису, непоправимая, неуловимая.

Плыть, плыть

...Ах ты, моя Eudora, старушка, ах, Eudora... – распеваю я и пью кровавую мери, вторую уже, лучшую, чем где бы то ни было. Кое-что этот бар знает обо мне, но сейчас я в порядке. Можно даже сказать – счастлива. Хотя и по-другому, чем тогда.

Мы сидим на веранде первого этажа. Eudora огромна и прекрасна, как лайнер. На крыше, на верхней палубе открытый ресторан, сад и печка с открытым огнём по центру; на нижней палубе – живая музыка, тесно, вечно все забито – вон те уходят вроде бы, пошли скорей туда – весело, накурено... а на веранде – скатерти, запах сигар, свечи, слегка буржуазно. Опять припустил дождь, капли скатываются по ткани навеса, здесь так свежо.

Роман заламывает руки, сотрясается в конвульсиях, вокруг собираются его миражи: Кимико материализовалась и мелькает в проходе, она то моложе, то старше, то в платье с голой спиной, то в короткой юбке. А вот его мать с равнодушным лицом проходит прямо сквозь него, вот бабушка-матерщинница, стоит, подбоченясь, а Яна, психотерапевт, присаживается рядом. – Как я скучаю по ней, – кричит Роман Яне в ухо. – Сука, сука. Как достала со своими большими родственниками. Что ей этот камикадзе? – Дед Кимико действительно в войну был камикадзе, но его спас

от смерти старший офицер: это не твоя ошибка, он сказал, ты живи. – Суки. Сколько можно умирать? Да сколько вообще можно жить? Ему восемьдесят пять. А на меня ноль внимания! – Мамаша фыркает в ответ. Бабка и вовсе по частям дематериализуется. Дольше всего висят в воздухе оскаленная нижняя челюсть и часть старческой заплывшей жиром шеи. Яна, позвеневав браслетами, молча встает и уходит. Остальные призраки тоже расступаются. Из дальней двери в конце веранды среди свечей идёт, наконец, наша Кэтлин.

Кэтлин, это ведь ты? Изменилась, стала такая... сосредоточенная... И вопрос о Фреде останется незадаанным – поверить не могу, такая чудесная была пара – ведь ответ мне прокричали её лицо и фигура, ещё издали, это новое свечение, эти тонкие дрогнувшие – ты как, Кэтлин? – губы, эти прозрачные глаза, эти руки как две прижавшиеся мышки – вот он ответ, чего там.

– Вот. – Кэтлин протягивает мне мерцающий мешочек. – Я привезла тебе лаванду из моего родного города, из Мичигана. А что ты, кстати, делаешь на зимних каникулах? – У Кэтлин дёрнулись веки, она вздохнула. Палуба качается, но нам не страшно. – Я хочу интенсивно поучить китайский. – Да! И я. – И ещё я, знаешь, хочу поехать куда-нибудь плавать. Прямо вот плавать: так, так и вот так. И Кэтлин показывает. Она ныряет и выныривает, и загребает руками, и крутит головой, и отплеывается. И вода должна быть тёплой, потому что я хочу плавать долго, уплыть далеко. По-

стоянно, каждый день. Плыть и плыть...

Мало тут воды тебе, Кэтлин, в зеленом от сырости Ханчжоу? Да нет, это я так. Жестокий город. Жестокий час. Коктейль у Кэтлин цвета её блузки: пурпурный. Мачты гнутся. Плыть, плыть...

Жизнь, как полная луна

*Раз намереваюсь и дальше жить, – думал я, –
лучше вот с таких пример брать...*

Курт Воннегут

Две недели сегодня, как я живу здесь, в городке у подножия горы Тай. И всего-то ведь пять часов разницы во времени с Москвой – а уже ведь костей не соберешь, что называется. Не соберешь меня прежнюю.

...Я иду по нашему маленькому посёлку – шестиэтажные дома, в которых живут преподаватели и сотрудники университета, с семьями. Китайские семьи – это пока ещё нечто вполне патриархальное. Даже на орбитальной станции у астронавта-китайца будут, наверное, где-то в невесомости копошиться бабушки, дедушки, тетушки, с какими-то вёдрами, корзинами, тазами, мешками... Готовить что-то в кипящем масле или на огне, сушить повсюду какие-то стручки и клубни, парить ноги, играть в карты и шахматы...

...В первые дни – когда меня везли из аэропорта вдоль гор, ныряя в тоннели, облепленные кипарисовыми чашами, и у меня слегка закладывало уши... когда привели в сверкающую чистотой квартиру, и я увидела с высоты своего пятого этажа горы и крыши в солнечных батареях, и когда набе-

жали мои новые студенты и повели меня показывать кампус, магазины, рыночек, где я купила за один юань большой кусок тофу и дыню за три, повели кормить чем-то невиданно вкусным, когда мы возвращались в темноте под свист соек – мне тогда казалось, что я на каком-то другом свете – и это должно скоро выясниться. Я вспоминала сцены из фильма «Другие» и думала, что фильм был бездарный, но зато я теперь подготовлена. Чувство не оставило меня, но стало ослабевать, и уходит понемногу как восторг, так и тревога.

...О чём бишь я? Ах да, я иду вдоль нашего небольшого парка, где по утрам группки пожилых людей занимаются тайчи и ушу, а по вечерам танцами, или в полной темноте (фонари только вдоль дороги), тихо переговариваясь, на тренажерах. Запомнила одного старика, который всегда занимается на одном и том же снаряде, во тьме, не торопясь и... попыхивая сигаретой... А днём бабушки и дедушки выгуливают малышей. Обмахиваются огромными камышовыми веерами, и по мере необходимости, в очень расслабленном ритме дают детям попить или достают игрушку, или высаживают над бумажкой, не снимая штанов (на ползунках есть прорезь и никаких тебе памперсов). Иногда, когда крошек уведут, на большой площадке разворачивают действо: старички играют во что-то (в крикет ли?) с клюшками, похожими на молоточки, и шарами, красными и белыми. Делают это серьезно, вдумчиво, как в замедленной съемке.

Тем, с кем случилось несчастье, жизнь тоже улыбается

временами – и они вместе со всеми, на своих самоходных колясках, или колясках допотопных, или с ходунками, приветствуют друг друга, смеются беззубыми ртами, болтают, растирают конечности.

...Я слышу резковатые для нашего уха, но мирные перешучивания старших и сладкий детский лепет, скрип качелей и тренажеров, чувствую ветерок нескольких десятков верев, вижу двух белок пробегающих друг за другом через площадку... Притормаживаю, чтобы рассмотреть таблички на стволах деревьев – они высажены в парке из питомника, потому что университет у нас – сельскохозяйственный. Вот небольшие деревца амурской сирени, вот что-то, напоминающее кусты кизила, вот разноцветные нежные клёны, багрянник, такой красивый весной, а сейчас шелестящий своими стручками, а выше над нами простираются большими кронами Дзельква и Гуттаперчевое дерево, эвкоммия. А это – розовые коробочки с семенами сменили желтые метёлки, которые развевались на ветру в конце августа, когда я приехала – кельрейтерия, да, она, я посмотрела, и здесь она вырастает высокой. Некоторые из этих деревьев исконно китайские, другие же завезены издалека – и ничего, шумят себе прекрасно все вместе.

...Все две недели, что я здесь, дни стоят жаркие, душные, был один только дождик, но по ночам стало чуть прохладнее, и я открываю окно и выключаю кондиционер, и слышу утренних птиц, и чувствую еле уловимый запах горы.

...И я иду вот так, овеванная чужой жизнью и камышовыми веерами... не чувствуя времени – а ведь будущее уже где-то здесь, уже наступает на пятки, вот-вот своротит меня, если я не налажу с ним контакт, не услышу его пульс, не поддержу его гомон...

...Я миную мусорные баки, над которыми в это время происходит сражение соек – и оборачиваюсь, стараясь запомнить это новое, это чужое, это смутно знакомое. И зависаю во времени и в намерении, застываю, растаиваю в этом утреннем, но уже зное. Две недели я провела возле этой горы или десять лет? Как скрежещут сойки! На всех, видать, не хватает добра. Дорожка усыпана голубыми перышками, я иду по ним к перекрестку...

...Следую дальше, в наш северный кампус, прохожу административный корпус, пятый корпус-Север и пятый корпус-Юг... Господи, неисповедимы... Кто-то читает фэнтэзи и кто-то даже пишет, переодевается в боярина или там в кельта, кто-то надевает камуфляж и идёт искать крови... А я вот притворяюсь учительницей русского языка...

...Говорите – от себя не убежишь? О, очень, очень даже убежишь. ...Хотя иногда в сладком потоке безмятежных дней тебя как штырь вдруг прошивает чёртово одиночество. Сидишь ли ты на корпоративном обеде среди китайских коллег – пусть жизнь ваша будет как полная луна! – ведь сегодня Праздник Середины осени⁸⁹ или ты в баре с очаровательны-

⁸ У китайцев и других народов Восточной Азии праздник середины осени или

ми молодыми немцами...

Но только вдруг понимаешь, что осень не сменяется больше зимой, а листья пожелтели еще летом. Да что там пожелтели! Они были красными, а стали зеленые. С неба сыплются голубые перышки, а облако лежит на крыше соседнего дома как ни в чем не бывало. Облака должны находиться в небе, а осень наступать в свой черед, вот что я вам скажу. Стрелка часов делает, что хочет. Время украдено у меня каким-то неизвестным злоумышленником. Сначала он отрезал от моего времени по ночам, резал моё детское одеяльце, а потом утащил совсем.

И я с удивлением слышу собственный стон, прямо там, на обеде или в баре – и профессор, специалист по засушливым почвам, роняет палочки... и Себастьян, самый молодой восторженный немец, выпучив глаза, хватая меня за локоть...

Очень мило, Себастьян, но не беспокойтесь. Я не стану новым божеством горы Тайшань, спрыгнув с вершины вниз головой, прямо на крышу отеля Celebrity, блюдцем с загнутыми краями лежащую среди магических облаков. Жизнь слишком коротка, чтобы оплакивать себя.

праздник любования полной луной приходится на 15-й день 8-го месяца (полнолуние) по китайскому календарю, что знаменует середину годичного цикла, завершение сбора урожая и приходится на вторую половину

⁹ сентября. Считается что в этот день лунный диск «самый яркий и круглый в году». Китайцы едят особые *лунные пряники* и желают друг другу полноты жизни и благополучия во всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.